

"Церковь - это дорога. То туда её заносит, то сюда..."
(09.11.2024 - "Ночной Ароныч")

<https://youtu.be/InkuSZi1jG8?si=G9aJbvvenjyeqTu>

1:12:47

[Говорящий 1]

В той или иной степени религиозная, 87% населения Земли.

[Говорящий 2]

Как вообще люди выбирают верить им в Бога или не верить?

[Говорящий 1]

Веруют в разных духов, веруют в разных домовых. И все-таки говорят, а мы христиане.

[Говорящий 2]

Почему церковь всегда за власть? Не только русская, всегда, везде.

[Говорящий 1]

Церковь это не Царство Небесное. Это церковь, это путь, это дорога. То туда ее заносят, то сюда.

Никто не скажет, что в Евангелии вот эта строчка «А я говорю, возлюбите врагов ваших», она не верна, Христос ошибся. Вот эта вот идиотская идея о том, что мы должны изменить общество. Мы не можем изменить общество.

Мы не можем изменить людей, мы можем изменить только себя. Человек в сокровище – это Женечек. Не чистый, но Женечек.

[Говорящий 2]

Здравствуйте, дорогие зрители и слушатели канала «Ночной Ароныч». С вами я, писатель, блогер, публицист Забежинский Илья Аронович. И сегодня у нас на канале в гостях священник и психолог Отец Андрей Лоргус.

Здравствуйте, Отец Андрей.

[Говорящий 1]

Добрый вечер всем, кто нас слушает и смотрит.

[Говорящий 2]

Я с такими интересными людьми встречаюсь благодаря этому каналу. Я даже не ожидал и никогда не ожидал, что нам удастся с вами так в эфире прямо пообщаться, потому что давно за вами слежу и читаю. Вы очень интересный.

[Говорящий 1]

Для меня тоже это интересно и очень приятно, что мы наконец можем встретиться, хотя и виртуально.

[Говорящий 2]

Вот я предлагаю сегодня на стыке христианства и психологии поговорить, потому что вы психолог же, священник-психолог. Вот у меня, знаете, такой вопрос издавна или издревле. Почему кто-то верующий, а кто-то неверующий?

У нас есть простая схема. В православии, может быть, в христианстве вот одни Господь приводят, других не приводят, или всех приводят, а кто-то хочет, приходит, не хочет, не приходит. Как вообще люди выбирают, верить им в Бога или не верить?

[Говорящий 1]

Вот последнее, наверное, самое интересное, как люди выбирают. Потому что на самом деле это выбор. Это не потому, что Господь кого-то приводит, а кого-то не приводит.

Нет, это человеческий выбор. Только ли здесь, только выбор. И вопрос, почему здесь, конечно, бессмысленен и неуместен.

Почему вы выбрали, почему я выбрал, почему другие не выбрали. Они выбрали, потому что свобода. Это выбор.

Мы по-другому можем поставить вопрос. А люди, которые выбирают христианство или выбирают вообще религиозность какую-то, они сами к себе уже во что-то веруют или нет? И ответ здесь не очень простой.

Как всегда, он разнообразен. Есть люди, которые весьма религиозны. Есть люди, которые религиозны, условно говоря, на 15%.

Подавляющее большинство людей в мире религиозны. По статистике ООН в той или иной степени религиозны 87% населения Земли. В той или иной степени.

Разные могут быть религиозности, но во всяком случае подавляющее большинство. Так вот из них кто-то выбирает какую-то конкретную религию, кто-то нет. Можно поставить вопрос, а вот те атеисты, которых по одним подсчетам 8%, по другим подсчетам 15% населения Земли, они что, совсем не верующие?

На этот вопрос тоже нельзя ответить, потому что мы не знаем. Ведь чужая душа потемки. Мы не можем залить чужую душу и узнать почему.

Человек и сам иногда не знает почему. Он так выбрал, он так живет. У кого-то обиды, у кого-то непонимание, у кого-то страх, у кого-то еще что-то.

Реальность очень многообразна.

[Говорящий 2]

Я однажды размышляю над этим и представляю каким образом я сам пришел к православию именно. Также много бывая еще до нынешнего отъезда в Европе, за границей, общаясь с католиками, с протестантами, я пришел к выводу, что никто особенно и не выбирает. Очень маленький процент выбирает кем ему быть с точки зрения вероучения.

Сколько наших бабушек в храмах, которые выбрали православие, потому что они молодых людей. Потому что православие, а что же нам еще русским людям выбирать? Я сам метался в юности между синагогой, потому что папа еврей и православная русская церковь, потому что мама русская, и воспитан я был христианской традицией.

Когда со мной случился шок, какое-то посещение, как мне казалось, и я ринулся в церковь со всей возможной посвященностью этому, вопроса не было, надо было идти в православие. Но я представляю, что мои друзья католики, допустим, в Австрии или в Италии, у них тоже не было выбора, вот здесь же костел рядом, есть церковь, я пойду туда. Или протестанты в протестантской стране, а куда им идти?

Ну вот сюда идут. И как-то рядом с этим меркнут наши категоричные суждения православные о свободе именно выбора какого-то определенного учения, какого-то определенного направления в христианстве. Об ответственности я бы так сказал.

Где ответственность? Нет ответственности, есть традиция, мы пришли сюда. И здесь нашли Бога.

[Говорящий 1]

Конечно, традиция имеет очень большое значение, особенно семья. В значительной степени именно семья определяет религиозность человека. Но рано или поздно каждый человек может прийти к состоянию, когда ему вновь придется выбирать, а пойду ли я сегодня в церковь.

А буду ли я соблюдать посты, так как это написано? А буду ли я читать Библию? В любом возрасте может прийти такая критическая минута, когда человек даже на традиционное, даже на мамину любимое, на папину благословленное скажет, а почему, собственно говоря, так?

Может, я хочу по-другому? Я думаю, что для большинства людей такая минута бывала, и она именно и поставила перед ними вопрос, как ты веруешь? Поэтому да, для человека традиционного, выросшего в традиции и любящего свою традицию, все равно вопрос этот рано или поздно стоит.

Поэтому свобода понятие не абстрактное, не философское, а свобода это обыденное понятие, без которой не может быть и человеческой решимости. И тогда наступает ответственность. Вот, собственно говоря, вы про ответственность спросили.

Ответственность наступает только тогда, когда выбор осуществлен на основе свободы. Если человек не выбирал, то и ответственности нет. Он всегда может сказать, ну, меня мама привела, меня бабушка крестила.

Может сказать, ну, все пошли, я пошел. Может сказать, но тогда и ответственности его нет за собственную веру.

[Говорящий 2]

Но вы как православный священник, вы готовы не осудить, а судить? Судить, да? О выборе православия или не православия, как о добром или злом выборе, дурном выборе?

[Говорящий 1]

Нет, судить не собираюсь в таком ключе, конечно. Я могу только быть свидетелем, что человек исповедовал, ну, в каком ли форме исповедовал свою веру, и его исповедование веры неосознанное. Я могу об этом свидетельствовать.

Не всегда, но иногда я могу это сказать. Да, что этот человек, он не понимает, о чем он верует, он не понимает, что он говорит, он не понимает, что у него в душе. Вот иногда такое возможно, да, но не более того.

[Говорящий 2]

Есть какая-то психологическая особенность у людей, которые не просто говорят, я православный, и все, без дальнейшего, а вот те самые воцерковленные, полтора, два, может, три процента людей, которые участвуют в таинствах. Какая-то есть особенность у этой категории людей, и вообще, почему они вот приходят и остаются здесь именно жить, я бы сказал, в православное православие, а у остальных этого не происходит, не раскрывается чего-то, или там, как у протестантов, есть такое понятие рождения свыше, вот не рождаются они свыше, сказали бы протестанты. Или у митрополита Антония Суржского было встреча, вот у них не было встречи.

Что происходит, почему так?

[Говорящий 1]

У всех по-разному. У кого-то встреча происходит не сразу, у кого-то сразу, у кого-то уже в течение его длинной церковной жизни. По-разному.

Вопрос самый, наверное, сложный. Почему из всего верующего населения, всего там три процента только ходят в церковь? Тут у меня ответа нет.

Я бы сказал так, что люди любят церковь, любят именно церковь, любят её строй, любят её вероучение, любят её богослужение, её язык, её языки, лучше сказать, целиком. Любят, и поэтому без этого жить не могут. Таких немного, да.

Таких, наверное, три процента. Или полтора, или три процента. Но когда мы говорим о исповедании христианства как некоторого вероучения, то тогда, конечно, больше людей, которые веруют именно так, как веруют христиане.

Но и опять, тут очень важно, что люди понимают под христианством, как они понимают вероучение христианское, насколько они его знают, насколько они понимают, что христианское, что не христианское. Я очень много встречал людей, которые говорят, что они христиане, но веруют в пятиселение душ. И хотя об этом уже много-много раз и каждый век христианской церкви говорит однозначно, что никакого переселения душ быть не может.

Всё равно люди веруют. Веруют в разных духов, веруют в разных домовых. И всё-таки говорят, а мы христиане.

Мы христиане, да. А вот своего вероучения они изложить не могут, или излагают его совершенно не так, как излагает его хоть какая-нибудь христианская динаминация. Тем не менее, они христиане, они так себя считают.

У нас нет права им сказать, вы не христиане, вы язычники. Мы можем им сказать, то, что вы исповедуете, это язычество. Вот это не входит в христианское вероучение.

Мы это можем сказать, свидетельствовать. И, собственно говоря, мы это на проповеди нередко и говорим. Но не более того.

[Говорящий 2]

Как психология и Бог в своём поведении к религиозным человекам, как они соотносятся? Как они рука в обуху или противоречат? Вы как специалист видите, а вот это нет.

Это не Божье. Это вот у него такие-то отклонения. Это наш пациент.

А здесь вот нет. Это вот здесь у него святость проявляется.

[Говорящий 1]

Есть моменты, которые действительно трудны и для психолога, и для священника. Например, для меня большой интерес вызывает состояние юродства. Все существующие определения юродства, которые существуют в литературе, в географии и в пасторском богословии, например, они совершенно не облетворительные.

На мой взгляд, юродство это очень глубокая, серьёзнейшая церковная проблема, которая решения не имеет. Пока не имеет. И для психолога, и для священника это проблема, которая так вот на поверхности не лежит.

И решения нет. Это можно сказать тайно. Но на всякий случай, на мой взгляд, это не тайно.

Вполне возможно, если так серьёзно заняться этой проблемой, определить, что такое юродство. И это определение может быть рабочим вполне себе. На мой взгляд, юродство, в частности, отвечая на ваш вопрос, юродство это отказ от собственной социальной личности.

Разрушение всех психологических защит. Разрушение, осознанное, целенаправленное разрушение социализации. Отказ от неё.

Преднамеренный такой, даже с провокацией. С провокацией людей, которые наблюдают за этим, которые смотрят на это. Юродство где-то вот в этом, в этом рабочем определении будет.

Но, в любом случае, здесь может быть взгляд и психологический, и психиатрический. У психиатра будет свой взгляд на юродивого, естественно. Который мне, как психологу, будет не близок, можно сказать.

Но да, я уверен, что и богословие, и психология могут говорить в некоторых случаях на одном языке. И богословие может признавать болезнь. Болезнь называть болезнью, а не святостью, не юродством.

А болезнь называть именно заболеванием, психическим заболеванием. И, кстати говоря, я тут не одинок. Мы очень часто с коллегами, с психиатрами, с богословами, даже с архиереями обсуждали этот вопрос неоднократно.

И, в общем, пришли к однозначному выводу, что мы все вместе, психолог, психиатр, священник, все втроем, мы можем однозначно работать с больными людьми, признавая, что это не одержимость, а что это психическое заболевание. И что вполне здесь возможно сотрудничество с врачом, с психиатром на пользу человека. И, соответственно, на пользу церкви.

Так что здесь это возможно. Если специалисты хотят найти общий язык, они его находят. Если специалисты хотят ругаться и объявить, так сказать, своего коллегу еретиком, ну, пожалуйста, да, такая возможность тоже есть.

Но если специалисты хотят договориться, то у них это получается. У меня было в практике, когда мы вместе, я как психолог-священник и с другим священником, с психиатром, мы обсуждали какие-то сложные случаи и думали о том, как священнику лучше вести себя с больным человеком. Потому что, несомненно, пасторство с психически больными людьми должно быть особое.

Так что я здесь не вижу противоречия.

[Говорящий 2]

Может быть, вам тоже попадалось это мнение, особенно у той части церковных людей, которых принято называть сейчас либералами церковными, что и до начала так называемой СВО, а уж тем более после нее, существует в русском православии две веры. Или даже некоторые говорят две церкви. В рамках одного прихода, допустим.

Одни одно считают добром, другие другое. Одни одно считают злом, другие другое. Причем это все очень гипертрофировано.

Это безвозможность примирения, нахождения общей почвы какой-то. Что с этим делать?

[Говорящий 1]

Но ведь это уже было, Илья Иванович. Было уже в 17-м году. И продолжался в 20-е, 30-е годы.

Все это уже было. Чем кончилось, мы с вами знаем. Но я думаю, что и сейчас тоже так же чем же кончится, когда люди, проповедующие ненависть и ложь, в конце концов будут вынуждены со стыдом говорить нет, нет.

Мы всегда были за Христа, за веру, за Евангелие. Все это же было в 90-е годы.

[Говорящий 2]

А вдруг они правы? Увидим. То есть вы считаете, что время способно рассудить и расставить?

[Говорящий 1]

Не время, нет. Не само время. Просто время – это как бы изменитель того условия, из которого мы исходим.

Бог по рукам не бывает, так говорят верующие. В том смысле, что правда за Богом. Вот мы ее и увидим.

Когда это случится, в какой форме случится – невозможно. Мы же в 80-е годы, мы же не предполагали, что советская власть вдруг ни с того ни с сего, как нам тогда казалось, рухнет и не способна будет продолжать свою идеологическую борьбу за умы людей. Она рухнула, причем как картонный домик.

Оказалось, что никто ее защищать не собирается. Потом оказалось, что были люди, которые пытались защищать, но их было так мало, что их не было слышно. Так же будет и сейчас.

Я помню, что мы с друзьями в году, наверное, 83-84-м мы так думали про себя и рассуждали, что если вдруг разрешат издавать Солженицына, то советская власть рухнет. Солженицын начали издавать, советская власть

еще не рухнула, но Солженицын уже начали издавать. Потом мы говорили, ну вот если там кончится власть ЦК КПСС, то советская власть рухнула.

Советская власть кончилась, Горбачев с коммунистической властью вроде бы сделал все, что надо, тихонечко, так, без крови, и ЦК КПСС убрали с повестки дня. Но советская власть не рухнула. Рухнула она потом совершенно неожиданно и то, что мы не предвидели.

Я думаю, все будет точно так же, в целом приблизительно так же, как и тогда. Мы же это прожили с вами. Вы же это помните.

[Говорящий 2]

Мы с вами в самом начале рассуждали на тему, как люди выбирают ту или иную веру или ту или иную динаминацию христианства. Как люди выбирают внутри той же одной динаминации, будучи вроде бы связаны одной главной книгой и одним главным персонажем, Иисусом Христом, его жизнью, его словами, его учением, главное его жизнью. А вдруг выбрали разное и выбирают разное.

После революции как-то все-таки вот эта часть людей, которые оставались верующими, они подальше были от советских дел. Потом, конечно, все обсоветились. А сейчас-то что?

Никто никого не заставляет. Люди сами свободно. Одни выбрали одно, другие выбрали другое.

[Говорящий 1]

Это не касается веры. Понимаете, если бы верующие разделились между собой по какому-то вероучительному моменту, как это было, например, во времена Великих Соборов, когда, как говорил Григорий Бокслов, женщины дрались на рынке за омиусиус. Омоусиус против омиусиус.

Но у нас ведь о вере никто не спорит. У нас нет обсуждения догматов. У нас нет обсуждения Евангелия.

Даже вот Евангелие, строки текста или какие-то отдельные стихи, их никто не обсуждает. Никому не интересно. Интересно обсуждать другое, что-то такое политическое, что-то такое военное, идеологическое.

А Евангелие никто не осуждает. Значит, все-таки раздел проходит не там, не в этой сердцевине, а где-то рядом. В основном, я-то думаю, я как психолог, я убежден в том, что это разделение между добром и злом проходит по линии человек и человек, а не по линии человека и Христос.

И поэтому вроде бы все веруют во Христа. Я сейчас говорю о тех, кто находится в церкви. Все веруют во Христа.

Все чают спасения и жизни будущего века. А вот о человеке судят очень по-разному. И это понятно, потому что церковного вероучения о человеке не существует.

Догматов о человеке не существует. Есть догматы о Христе, есть догматы о Святом Духе. А вот о человеке нет.

Не догматизировано, как говорят богословы, учение о человеке. Поэтому очень по-разному можно судить, очень разные можно занимать позиции по отношению человеческого, социального, политического, даже семейного.

[Говорящий 2]

Мы говорим сейчас только про церковных верующих людей. У каждого же под его взглядом, мы разделим их на два – за и против происходящего сейчас в Украине. И у каждого свои цитаты из Евангелия и Святых Отцов.

Это не просто от меня. Каждому нужен высокий авторитет. И каждый подкладывает нужный набор цитат.

В этом смысле разделение по Евангелию идет. Потому что буквы, которыми напечатаны у одного и у другого, буквы одни и те же. А понимание, восприятие разное оказывается.

[Говорящий 1]

Да, да, да. О понимании я и говорю. А это человеческое.

Потому что понимать можно многими способами. Вот люди разделяются по пониманию этого. Никто не скажет, что в Евангелии вот эта строчка «А я говорю, возлюбите врагов ваших», она не верна, Христос ошибся.

Никто так не скажет вам. Все начнут сказать, это надо понимать вот так. И вот это человеческое понимание, оно и становится некой идеологемой.

Поэтому с Евангелием спорить никто не станет. Слишком это как бы будет нарочито. Хотя на самом деле я думаю, что люди обижены на Христа.

Те люди, которые веруют в войну, и те люди, которые хотят, чтобы война была, и чтобы людей убивали, они как раз недовольны своим христианством. Они хотели бы, чтобы их христианство было бы таким

воинствующим, как скажем, исламом. В исламе есть война, есть оправдание, понимание, зачем нужна война.

А в христианстве его нет. И многие действительно говорят, даже вот я встречался с многими политиками, нашими отечественными политиками, которые говорят, а что вы, что вы можете дать-то? Ну что, ну покропили водичкой там, ну и что?

А дух-то? Как дух зажечь у солдат, у офицеров, чтобы они гнали врага? Чем?

Вот что у вас в Евангелии? О, там щеку подставить, правлю шить такую, да что это за религия такая? А нужна религия такая, что прям вот там не то, что щеку, голову, секир башка и хорошо.

А вы не можете проповедовать, говорят они. В этом смысле, да, государство недовольно христианством. Не сильно она воинствующей религией, надо ее как-нибудь переделать.

Ну, понятное дело, что ее переделать не будет, ради такого случая. Но, во всяком случае, вот такое понимание, оно существует, и недовольство евангельской веры, оно очевидно. Духу воинственного не хватает.

[Говорящий 2]

Единственное, евангельская цитата, которая поддерживается в нынешней спецоперации, «Нет выше той любви, как если кто положит жить свою за други своя».

[Говорящий 1]

Но она не имеет никакого отношения к этому.

[Говорящий 2]

Объясните.

[Говорящий 1]

За други свои, если человеку угрожает какая-то опасность, вот за него заступиться, не жалея даже своего здоровья и своей жизни, да, нет больше той любви. То есть, любовь воспринимается предельной нормой.

Предельная норма – это не пожалеть даже своего здоровья и своей жизни.

Вот это как бы предельная норма любви, жертвенная, жертвенная любовь. Но это как раз противоположная норма – защитить, а не отнять жизнь.

[Говорящий 2]

Существует ли христианский пацифизм?

[Говорящий 1]

Конечно, однозначно. Возлюбите врагов ваших. Ну, тут же все четко написано.

А я говорю вам – возлюбите врагов ваших. Причем это не просто только в Нагорной проповедниче встречается в Евангелии от Луки, неоднократно и вполне, да, и в нескольких местах Христос объясняет, да он и сам это подтвердил, ведь, когда Павел и апостол Петр его искушал, сейчас вот давай мы сейчас всех, тут эту охрану положим на месте, нас больше, мы вооружены ножами чем-нибудь, он говорит – нет, если бы нужно было, отец мой представил бы легион ангелов, защищающих меня, но нет. То есть он сам показал вот это самое непротивление. Поэтому грешно спихивать непротивление на Льва Толстого.

Непротивление было от самого Христа. Он сам не противился насилию против себя и прошел его до конца, до своей смерти. Вот это вот людей, которые хотят получить от христианства, как император Константин Знамя Победы, воинственное такое, они его не получают, потому что в христианстве его нет.

[Говорящий 2]

Это «Ночной Ароныч». Хочу вам напомнить, что эта передача не смогла бы существовать без ваших пожертвований. И это и все следующие.

Поэтому прошу вас помогать нам, не бросать нас, реквизиты вы можете найти ниже в описании, а также ставьте лайки, подписывайтесь, жмите на колокольчик и будьте с нами. Я вот проповедую не первый год, особенно после начала своего как раз непротивления и христианский пацифизм. Самый больной вопрос это, хорошо, проповедь эту к нападавшим, к нападшим обращайтесь, а нам, защищающимся, нам сдать просто?

[Говорящий 1]

Есть в истории неоднократно, когда целые народы и города сдавались на милоспобедителей. Да, это бывало и не раз, и много раз. И таким образом города защищались, и иногда это было во зло, иногда было во благо.

История полна такими моментами. Так и в русской истории это полно было, когда города сдавались на милоспобедителя, и Москва сдавалась на милоспобедителя неоднократно монголам и крымским татарам. Что касается церкви, церковь примет и то, и другое.

Ведь все-таки вот когда татары вошли в Москву, а с царевичем тогда остался митрополит. Церковь сама договаривалась с монголами и с татарами, по-разному. Иногда они погибали так же, как и войны, а иногда оставались.

По-разному было. Так и в истории Османской империи, тоже было с православными иногда. Османы милостерно обходились с христианами, греками, с христианами, болгарами, с христианами, сербами, армянами.

По-разному бывало в истории. Но это не церковная история, это история государства и воин. Церковь может быть и на стороне сдавшихся, церковь может быть и на стороне победителей, и на стороне проигравших.

Она может быть и там, и там. Она с людьми. Если вот говорить про войну нынешнюю, то где Христос?

А Христос в окопах. Он с теми ребятами, которые от страха не знают, куда деваться. Те, которые ранены и истекают кровью, те, которые плачут и молятся, он с ними.

Но те, которые нажимают на кнопки и пускают бомбы и снаряды, и разрушают города, и мирных жителей лишают их домов и жизни самой, нет. Христос не с ними.

[Говорящий 2]

Кто нажимает просто на спусковой крючок автомата?

[Говорящий 1]

То же самое.

[Говорящий 2]

Те, которые плачут и молятся Богу, они и нажимают?

[Говорящий 1]

Конечно, конечно. Но Христос тогда, когда он плачет и молится. Но не тогда, когда убивает.

Да, тут можно сказать. А как это? Он отошел.

Вот сейчас плакал солдат и молился, и Христос был с ним. А потом, когда солдат решился стрелять в противника и убил там десяток своих врагов, то, значит, Христос отошел от него. Да, отошел.

Но мы этого не видим, мы этого не знаем. Мы так веруем. Мы не знаем, как действует Святой Дух.

Но то, что Христос с унывающими, с боящимися, с страшасьимися, с ранеными, с умирающими и с умершими, я так верую.

[Говорящий 2]

А как вы видите нынешнее благословение русской армии на то, что она делает со стороны церковных властей? Не только властей, простых священников, часто.

[Говорящий 1]

Я думаю, что так же, как и в 80-е годы, мы молились за священно-начали из Патриарха Пимена. Молились, когда они произносили всякие разные проповеди. Так и сейчас должны за них молиться.

[Говорящий 2]

А что не так в церкви? Почему все время у нас проблемы?

[Говорящий 1]

Но это всегда так. Церковь живая. В живой церкви всегда происходит что-то.

Церковь — это не Царство Небесное. Это церковь, это путь, это дорога. То туда ее заносят, то сюда.

То такие проблемы, то всякие проблемы. В 90-е годы была проблема разрухи и бедности. Не знали, как преподавать детям, как вести занятия, как восстанавливать монастыри, как восстанавливать храмы.

Теперь научились. А сейчас мы не знаем, как исправлять ошибки 90-х годов. Когда покрестили миллионы людей, которые не знают, что такое христианская вера, как теперь исправлять все это?

Тоже не знаем. Найдем решение какое-то. Мы с вами сейчас занимаемся этим просветительским делом, чтобы найти решение о том, как исправлять наши ошибки 90-х годов.

Мы обсуждаем с вами проблемы. Проблемы, которые реально стоят перед церковью.

[Говорящий 2]

Почему церковь всегда за власть? Не только русская, всегда, везде.

[Говорящий 1]

Во-первых, не везде и не всегда. Есть очень много, где только одна русская православная церковь не с властью, никак от нее не зависит, но и никак от нее не получает никаких... То есть русское православие во всех странах мира, кроме России, оно везде не с властью.

Оно не имеет отношения к власти и ничего не получает, и живет по законам того государства, в котором оно есть. Сейчас русское православие по всему миру. Так что нет, с этим согласиться трудно.

Да, это маленькая часть, но тем не менее. Даже там же, где вы, во Франции, русское православие, оно существует само по себе, там, не с властью. Русская история с церковью, с русской обошлась очень жестоко.

Какое-то время церковь существовала вроде бы самостоятельно и имела свою армию, в средневековье русская, правящий епископ имел свою дружину, то есть свою армию, свой суд, свою систему наказаний, свою тюрьму, свою какую-то экономику имел, свои земли, своих крестьян. Хорошо это было. Это было удачное время для русской церкви.

Мы ее называем Святой Русью. Это времена Рублева, русское средневековье. Это было хорошо.

Русское искусство достигло своего наивысшего расцвета, если говорить про Рублева, 14-15 век и преподобного Сергия. Высочайшего мирового уровня достигла русская церковная живопись. Лучшее это было время для церкви.

Как сказать? А в 90-е годы церковь получила совершенно невиданную свободу, какой раньше не было вообще. Это было лучшее время?

Нет точно, потому что это была такая нищета всего на свете. Просто не на что было покрасить крышу, не то что перекрыть ее. Зато мы были свободны.

Мы устраивали воскресные школы, разные лекции читали по разным клубам. Тысячи людей приходили в церковь. И надо было их крестить, и надо было им что-то сказать.

Говорили мало, крестили много. Вот теперь все обратное.

[Говорящий 2]

Мы беседовали с отцом Алексеем Уминским здесь же на канале, и он говорил об упущенных возможностях в 90-е годы. Причем с таким покаянным достаточно чувством о том, что и все, кто тогда был в церкви, имеется в виду священнослужители, упустили возможность. Вы тоже так считаете?

Да. А в чем эти упущенные возможности?

[Говорящий 1]

В первую очередь упущенная возможность была в просвещении тех, кто приходил креститься. Установка была такая – крестить, а потом объяснять. И это была ошибка, потому что крещенные потом не приходили, не посещали никаких воскресных школ, не хотели ничего читать и ничего слушать.

Это была ошибка. Это была наша ошибка. Это, во-первых.

Во-вторых, то, что в крещении предусмотрено, в чине крещения – отречение от сатаны. Я считаю, это мое личное убеждение, что с каждого верующего надо было брать отречение от коммунизма и от коммунистических идей и от советской власти. Отречение от советской власти.

Потому что она была, и есть, и остается властью богоборческой по своей сути. Она не просто нейтральна. И гонение на церковь – это было что-то такое, перегиб на местах.

Нет. Это ее суть. Поэтому, да, надо было требовать отречения от работы в партии, от работы на коммунистические режимы и на все-все-все подобные вещи.

А мы этого не требовали. Остался чин крещения, как был. И я считаю, это своей личной ошибкой.

И что крестных не учили, как положено. То есть, катехизация была, но она была микроскопическая. Многие священники уже тогда это понимали.

Я помню, как отец Владимир Воробьев в 90-м году встает толпа крещаемых крестных родителей, родителей, детей, и он им говорит, это 90-й год, 90-й год, в Никола Кузнецовке, он уже тогда служил там. Он говорит, чего вы пришли? Вы же не веруете?

Я так испугался, просто думаю, как же так можно говорить людям? А крещальная комната большая, там полно народу. Чего-то 50 стоит.

Ну, не все крещают, но все. Что? Вы же не веруете, вы же ничего не знаете, вы ничего не понимаете.

И сейчас я понимаю, насколько он был прав. Потому что они пришли за обрядом, но они ничего не хотели знать о церковной вере. Он пытался до них достучаться.

[Говорящий 2]

Я дружил с одним священником, ну и сейчас бы дружил, просто в другой стране, который тогда в Санкт-Петербургской всей метрополии отличался тем, что он и в 90-е, и в начале нулевых, еще до указов патриарха, не крестил без оглашения. И он обязывал крещаемых проходить сколько-то там бесед, рассказывал, он вообще очень хороший рассказчик и проповедник, миссионер. Я когда-то у него учился.

Это всегда все интересно. И я однажды задал ему вопрос, и как успехи? Он задумался и сказал, вообще-то, если честно, ни один не вернулся.

То есть, ни один не стал прихожанином постоянным и не участвует в таинствах. А это в области, в небольшом городе происходит.

[Говорящий 1]

У меня точно такой же опыт. Ну, не точно такой же, но я совершенно с ним согласен. Ну, вот в 90-е годы прошли под сенью такого нашего убеждения, что мы должны всех покрестить, а уж потом мы их будем, мы их потом научим.

Нет.

[Говорящий 2]

Бессмысленно было учить, все равно никто не... Я не знаю.

[Говорящий 1]

Я не знаю, бессмысленно или нет. Я думаю, что любая встреча, любое слово имеет смысл. И слово, как семя, оно каким-то образом плод даст.

Какой, мы не знаем, и где, и как. Это нам неизвестно. Но то, что большинство людей знать о вере и саму веру, изучать церковь, как большой объем знаний, традиций, всего не хотел, это факт.

[Говорящий 2]

А может, это как пшеница и плевелы? Может. Как то, что вы сделали в 90-е годы и в нулевые, но пшеница осталась, остальное, ну, так, не прижилось и все.

[Говорящий 1]

Возможно, но тоже у нас нет права об этом судить, потому что человек не пришел ко мне в храм. А может быть, он пришел в какой-то другой. Может быть, он перед смертью исповедовался как христианин.

Помня слова, которые он услышал в нашей крестильной, он потом, может, исповедовался перед смертью. Мы из этого всего не знаем. Поэтому и судить, конечно, об этом нам очень трудно.

Но то, что вот такой факт, о котором вы рассказали, что многие оглашаемые в общину потом не вступили, да, я с этим согласен. Но не все, а большинство, я бы сказал так. Но это не означает, что они остались вне вероучения, вне церкви.

Нет, так сказать нельзя. Иногда вдруг кто-то появится и там напишет, или через Фейсбук, или еще как-нибудь, напишет и скажет. А вот вы помните, вы там меня крестили там столько-то лет назад, я была маленькой девочкой.

И человек этот, как бы, имеет отношение к Евангелию, она свидетельствует о себе. Значит, не пропала. Ходить в нашу общину они не стали, но где-то они все равно как-то веруют.

[Говорящий 2]

Люди не были просеяны, всех крестили, кто-то остался, вот эти три процента, остальные ушли, но и эти же три процента, если мы смотрим на их отношение к происходящему, они такие же, как и все общество. В них все то же самое, что и во всем обществе происходит. От цифр браков и разводов, я помню когда-то в Петербургской митрополии отчаянный представитель комиссии, или как он называется, по браку, взял и опубликовал данные сколько церковных браков и сколько разводов в году в 15-16.

Оказалось, что процент такой же, как в светских. Или в нынешнем восприятии происходящего, в этом так называемом патриотизме, в этой поддержке войны, столько же в церкви людей, столько же. И можно даже сказать, что по количеству каких-то выступлений, жертвенных

практически выступлений, против происходящей несправедливости и насилия, в церкви меньше людей.

Меньше.

[Говорящий 1]

Ну, ведь никто не считал, не знаю. Много ведь священников, которые уже были наказаны за свою антивоенную позицию?

[Говорящий 2]

Несколько десятков.

[Говорящий 1]

Да, а разве это мало?

[Говорящий 2]

Ну, а сколько священников у нас? 12-13 тысяч, по-моему. Да, да.

[Говорящий 1]

Но мне кажется, что это немало. Понимаете, если бы один был бы, или два, ну, тогда действительно мало. А так всё-таки несколько десятков, я думаю, даже не десятков, а до сотни, наверное.

Но плюс те ещё, кто письмо подписали антивоенное, всё-таки тоже значимый такой результат, там, мол, 300 человек. Всё-таки что-то такое есть. По-разному.

Есть люди, которые и со священниками, с этими, с наказанными, лишёнными приходов, лишёнными сана, им же сочувствуют многие люди. И духовно они с ними, они за них молятся, им сочувствуют. Поэтому, ну, не все.

И потом, нам сейчас не дано это знать, сейчас всё это скрыто в силу такой лютой борьбы и гонений. Но потом всё это, я думаю, что будет известно, увидим. Конечно, много, и в этом будет много лжи.

Люди будут потом, как это и было в 90-е годы, будут говорить, о, я тоже был против.

[Говорящий 2]

А скажите, отец Андрей, меня вот какой вопрос волнует. А каков человек? Вот человек с детства и до старости, я по себе сужу, настолько меняется?

Да. Во взглядах, во вкусах, внешне, в запахах даже, что трудно сказать, что это тот же самый человек. А тем не менее, мы говорим, это один и тот же человек.

[Говорящий 1]

Да. И это именно церковное учение, именно христианское учение, учение о человеческом постоянстве, учение о человеческом первенстве, это учение о личности человека, это учение о том, что не индивидуум определяет человеческую жизнь, а лицо, личность определяет индивидуум. И это и есть то, что неизменно, образ и подобие Божие в человеке.

Каждый конкретный человек есть личность, и это самое главное. Вы задали первый вопрос, на мой взгляд, очень красивый. Кто такой человек?

Человек-сокровище. Это женщик. Нечистый, но женщик.

Ради которого, ради собирания которого, отец присылает сына и говорит ему, собери зерна, собери и принеси их мне, они должны быть здесь, они должны быть у царя царей. И отдает его на лютую смерть, на страдание и на лютую смерть. То есть это такое сокровище, ради которого отец не пожалел сына своего.

Вот кто такой человек.

[Говорящий 2]

Все равно непонятно, потому что, вот допустим, брак. Мальчик с девочкой знакомятся. Они, ну, это какое-то поверхностное такое, да, знакомство.

До брака, до постели.

[Говорящий 1]

Откуда вы знаете, что вы в сердца их залезли? Не знаю, жизнь прожила. Вот именно, я не знаю.

Они, может быть, полюбили друг друга, подлинно, истинно полюбили друг друга. Разве это не божественно?

[Говорящий 2]

Здорово. Нет, я ничего против этого не имею. Я просто говорю, что вот они познакомились, у них один уровень ознакомления друг с другом, потом они дальше женятся, живут какую-то жизнь вместе, и каждый из них каким-то образом меняется.

Меняется, вполне возможно, в разные стороны. Да. Разные интересы появляются, разные симпатии, разные вкусы.

Но это как бы остаются одни и те же люди. Они приходят к вам, к психологам, между прочим, и к вам, к священникам, и говорят, и говорят друг про друга. Да, но это же совершенно другой человек.

Я же выходил замуж за одного, а он теперь другой. Или он говорит, она была такая, такая, такая, а теперь, ну, что это? Это совершенно невозможно.

И мы понимаем, что наверняка и она изменилась, и он изменился, и отношения у того и у другого изменились и так далее. И это на протяжении длинной, длинной жизни происходит с одними и теми же людьми много раз и в самых разных направлениях. А вот то, что мы называем браком, он между кем происходит?

Между этими самыми разными людьми?

[Говорящий 1]

Он происходит между людьми, которые выбрали друг друга, и которые засвидетельствовали, что мы одни, муж и жена. Это их выбор, это их решение. Брак — это союз.

[Говорящий 2]

Так они выбрали одного, а она выбрала одного, а он другой.

[Говорящий 1]

Да, она ошибалась. Она ошибалась, и он ошибался. К сожалению, все проблемы брака начинаются до брака.

Все начинается с мотивации вступления в брак. Если эта мотивация осознанная, глубокая и основанная на любви и уважении, то она самая долгоиграющая. Самая.

А если эта мотивация основана на каких-то своих мифах, на каких-то своих неврозах, то она, конечно, довольно быстро рассыпается. И становится проклятием.

[Говорящий 2]

Продолжительность брака является каким-то мерилем? Или все-таки качеством?

[Говорящий 1]

Нет, продолжительность брака не является мерилom. Мерилom является соотношение супругов. Любовь и уважение.

Если любовь и уважение между супругами сохраняются, значит и брак сохранится. Любовь и уважение этого достаточно для того, чтобы люди оставались в браке. Да, конечно, бывают разные обстоятельства, которые не зависят от людей.

В тюрьму посадили, увезли куда-нибудь, переехал, уехал. Всякое бывает такое. Но это исключительные такие случаи.

В обычной истории, если люди уважают друг друга, то они будут оставаться вместе. Любят и уважают. Без этого не будет брака.

[Говорящий 2]

Брак есть в ценности?

[Говорящий 1]

Да, конечно. Брак как таковой? Нет, не как таковой.

А основанный на таких отношениях супругов и прежде всего супругов. Не других членов семьи, а прежде всего супругов. Основанный на любви и уважении.

Тогда это безусловно ценность. Но и опять эта ценность не выше, чем ценность человеческой души. Самая высокая ценность это человеческая душа.

Поэтому если брак становится погибелью для человеческой души того или другого супруга, то тогда супруги могут расстаться.

[Говорящий 2]

Я знаю, что вы консультируете по семейным проблемам. Не входит у вас, Андрей Лоргус психолог и Андрей Лоргус священник в противоречии по вопросам разных ситуаций сохранения брака в разных ситуациях?

[Говорящий 1]

Конечно, бывает, когда я как человек и как священник, мне хочется крикнуть супругам «Ребята, вы же любите друг друга, попробуйте понять друг друга по-другому». Попробуйте понять себя. Очень хочется иногда им крикнуть и что-то такое сказать.

Но если это остается в рамках консультирования, то, конечно, я этого не позволяю себе, потому что задача психолога заключается в другом. И сколько бы я им не проповедовал о величии брака и о его крепости, это на них не произведет никакого впечатления. Или наоборот даже.

Они потом скажут «А вот, помнишь, что отец Андрей сказал? Он сказал, что жена доубоится мужа своего. Вот теперь вот, пожалуйста, давай».

То есть люди, которые воспринимают слова психолога или священника как некоторую палку, которой можно друг друга бить. Ну, это та же самая игра в цитаты, с которой вы начинали сегодня говорить что-то. Цитатами можно все оправдать.

[Говорящий 2]

Вы можете заказать четыре моей книги, которые уже были изданы. Первая это русский вариант традиционного церковно-славянского молитвослова. Я переложил его на понятный русский язык, но сделал его поэтическим, в отличие от всех других переводов.

Его очень удобно читать и дома, и в храме. Вторая книга – это Великопольский дневник. Это пытливый взгляд на то, как мы постимся, зачем постимся и зачем и кому это все нужно.

И еще есть две книги художественных рассказов. Первая книга называется «Они целовались на крыше». Это книга о любви.

И вторая книга, она называется «Черные грузди». Это книга о простых людях в российской глубинке. Ссылку вы найдете в описании к этому ролику.

Меня некоторые читатели и слушатели, они путаются. Я человек мирянин, я не психолог и не священник. А вопросы бывают всякие разные.

Вот недавно молодая женщина мне написала «Я нарушила заповедь Иисуса Христа разводиться с мужем только по причине блудодеяния». Я ушла от него, потому что он насильник. У нас было насилие в семье.

Я не подставила щеку. И вот она живет с таким ощущением.

[Говорящий 1]

Давайте про женщину не будем ничего радовговорить, потому что это не очень этично обсуждать ее конкретный случай. А представим себе, что это

вообще абстрактная ситуация такая, совершенно не имеющая отношения ни к какой женщине. Что там вот есть какие-то ситуации тяжелые и травматичные и возникает вопрос у супругов сохранить брак или нет.

Это не теоретический вопрос. Это вопрос всегда конкретный. Есть очень много пар, которые остаются жить вместе несмотря на очень тяжелые события своего прошлого.

Там могут быть измены, инцесты, предательства. Ну, в общем все бывает. И тем не менее супруги остаются и говорят «Нет, мы брак сохраним, мы остаемся».

Другой вопрос, почему и ради чего, но тем не менее сохраняется. А есть, когда и повод-то незначительный, но супруг говорит «Нет, все, мы жить вместе не будем, все, прощай». И брак расторгают.

То есть сами по себе обстоятельства еще не определяют поступков, еще не определяют развода. Обстоятельства могут быть разными. Они напрямую к разводу не приводят.

К разводу приводит решимость, когда партнеры, оба или один, говорит «Нет, все, я жить с тобой не буду». Другой вопрос, почему он это делает?

[Говорящий 2]

А вы не исповедуете этот принцип, который исповедуют многие психологи? «Ударил, уйди».

[Говорящий 1]

Есть ситуации, когда да. Есть ситуации, когда я могу сказать такую вещь. Не «ударил, уйди», нет.

Я могу сказать, что до тех пор, пока вы остаетесь в браке под возможностью физического насилия со стороны мужа, никакая психотерапия невозможна. И не будет никакого ни консультирования, ни психотерапии. Сначала вы уходите в убежище, сейчас так называются, или к маме, подруге, куда-то переезжаете.

Сначала вы обеспечиваете себе физическую безопасность и только потом может помочь психологическая работа. Пока человек находится в физической небезопасности, никакая психология ему не поможет. И церковь не поможет, и молитва не поможет, и окописты не помогут, потому что физическая прямая опасность.

Вам или детям. Это не означает развода. Пока не означает.

Это означает просто-напросто обеспечить себе безопасность каким-то образом, чтобы потом, успокоившись и пройдя определенные этапы восстановления психического, начать решать вопрос, как жить дальше. Когда человек находится под угрозой насилия, когда он находится в стрессе, в таком вот ажиотаже, все его решения будут неадекватны. Разводиться, не разводиться, это будет неадекватное решение.

[Говорящий 2]

То есть насилие в семье это не та ситуация, когда нужно подставлять вторую щеку?

[Говорящий 1]

Да нет, конечно, это вообще не про то. Я понимаю, что можно цитатами все что угодно оправдать. Более того, женщина, если речь идет о женщине, женщина, которая терпит насилие от мужа или от ребенка и ничего не делает, а терпит, только терпит и продолжает оставаться в жизни, в совместной жизни с этим человеком, с мужем или с сыном, который ее бьет.

Она совершает преступление, потому что она его развращает и она ему как бы дает карт-бланш. Ты можешь меня ударить и дальше, я от тебя не уйду. Я на тебя в полицию не заявлю.

Но она показывает и другим членам семьи, что так можно обращаться с женщиной. Детям или там супругу или еще кому-то она показывает, что ну да, вот он меня бьет, но я не буду ничего делать, значит так можно. Дети, которые вырастают из ситуации свидетелей насилия, они потом не могут вести здоровый образ жизни в своей семье, они могут принимать адекватные решения в своих отношениях, к сожалению.

Поэтому здесь не то, что там терпеть надо, здесь надо очень решительно поступать. Но это же не говорит про развод. Это говорит о том, что сначала обеспечить безопасность.

А о этом может быть разными способами. И только потом принимать решение уже, как я сказал, успокоившись, пройдя определенную реабилитацию, ставить вопрос совместной жизни дальше возможно или нет.

[Говорящий 2]

А вы понимаете, я вот со стороны вас слушаю, что вас говорит прежде всего образованный психолог, практикующий, сталкивавшийся с такими проблемами, очевидно, много раз, и именно как психолог. Я не буду говорить две трети, три четверти или девяносто процентов, но огромное количество наших православных священников будут или строго или ласково говорить такой женщине это твой крест. Это крест.

Бьет? Крест. Бьет?

Крест. От креста не отказывайся, не сходи. Это брак.

Это же Господь благословил вас на брак. Что делать-то?

[Говорящий 1]

Ну, во-первых, по поводу креста. Я считаю, что это богохульство. Потому что крест, если брать его в том смысле, какой мы понимаем крест Христов, то это все-таки что-то уже освященное божественному части.

Это что-то возвышенное, бесспорно религиозное. А если муж бьет, бьет, оскорбляет, унижает и так далее, но это нельзя назвать крестом. Это преступление.

Нельзя преступление называть крестом. Нельзя богохульство называть крестом. Муж унижает жену, допустим, он ее не бьет, но он там матерится, кричит на нее, оскорбляет ее всякими словами.

И это возвышенным словом крест? Нет, это богохульство. Ничто иное.

Поэтому те, кто так утверждает, по сути дела, богохульничают, потому что крестом это называть постыдно. Все равно, что как. Но вот человек ворует, это же крест.

Но вот человек там разбил окна, но это же крест. Это что получается, что мы все преступления, весь уголовный кодекс крестом назовем? Нет, это ситуация парадоксальная, конечно.

С этической точки зрения невозможно. Это богохульство. Во-вторых, то, что является преступлением против личности, то, что является преступлением против человека и уж тем более преступлением в браке, никак не может быть отнесено к тому, что нужно терпеть.

Преступления терпеть нельзя. То, что подчиняется уголовному кодексу, хотя бы, я уж не говорю про этический кодекс, человеческий кодекс,

представление о добре и зле в церкви, то, что выходит за рамки даже уголовного кодекса, ни в коем случае нельзя считать нормой. И ни в коем случае нельзя проповедовать людям терпливое отношение к преступлениям.

Тогда их становится больше. Те священники, которые так говорят, просто умножают количество преступлений. Говорят, ну, нормально, ну, ничего, да.

[Говорящий 2]

Но ведь Господь наш Иисус Христос как раз и терпел несправедное насилие над собой. И его последователи, апостолы и дальше мученики, они тоже страдали и терпели, и шли на крест, шли на несправедные страдания. Получается, что они таким образом приумножали насилие в мире.

[Говорящий 1]

Как раз когда вопрос шел о том, например, если говорить про мучеников первых веков христианства, исповедовать язычество или нет, то они не исповедовали, они не терпели. Они не терпели языческую религию и не терпели преступления на христианской почве. То есть приносить жертву богам и приносить бескровную жертву воскресения.

Нет, такого быть не может. Либо-либо. Они не терпели никакого слова богохульствия, никакого компромисса, не терпели с христианским вероучением.

Так что никакого терпения они не проповедовали. Наоборот, можно упрекнуть ранних христиан в их крайней такой неортодоксальности. Это да, это можно сказать, но уж никак не в терпении.

[Говорящий 2]

Но Иисус Христос терпел.

[Говорящий 1]

Что? Он терпел. Он даже торговцев из храма выгнал.

Не стерпел.

[Говорящий 2]

Это нетипично.

[Говорящий 1]

Почему? Он не терпел апостола Петра, когда тут ему что-то говорил. Он говорит, уйди от меня.

Он не терпел, когда даже Матерь Божия пришла к нему с требованием, мол, сын, иди сюда. Иди к нам сюда, тут семья. Расскажи нам, в чем дело-то.

Что ты тут проповедуешь? Он сказал, нет, извини. Сейчас не ты мне, мать, а мать вот здесь, мои братья.

Если хочешь, присоединяйся к нам. Ничего он не терпел. Он был достаточно тверд и очень жесток по отношению к грешникам.

[Говорящий 2]

Слушайте, но не в этом христианство. Христианство в том, что умолил себя даже до смерти. До смерти крестный знак, раба, прим и так далее.

Вот это исповедование.

[Говорящий 1]

Вот это да. Когда его обвинили, он не стал защищаться. И то, не сразу он себя отдал на поругание.

Как вы знаете, в Назарете он просто стал невидимым, ушел от расправы. И в Иерусалиме тоже не сразу. Один раз ушел, другой раз ушел.

Потом, в конце концов, он не ушел от, когда уже все исполнил, как он считал, он себя отдал уже в руки. И то, он ушел тайно в сад Гефсиманский. Он же не на площади его арестовали, где он накануне, буквально накануне, он там им много чего наговорил, всякие гадости.

Ну, правда, притчами, но, тем не менее, они понимали. Но они не решились его арестовывать. А вот в темноте, да.

И тут он не стал, да. И то, не сразу. Поэтому нельзя сказать, что он проповедовал терпение по отношению к любому поступку.

Нет, не к любому.

[Говорящий 2]

Нужно, чтобы батюшки наши получили психологическое образование. Или, поскольку профессионально они все равно ничего не поймут, как-то им обозначить границы своей компетенции. А вот в этой ситуации

отправь, пожалуйста, Чада свое, или просто пришедшего к тебе за советом психолога.

[Говорящий 1]

Со временем так и будет. Не все сразу. Понимаете, у нас ситуация с батюшками какая?

У нас ведь образованность священников такая же на свой процент вовнушения, как и у всех людей. У нас очень низкий уровень образованности. Он вообще у нас не низкий уровень.

Но и среди священников тоже. Это общее состояние. Постепенно священники становятся все больше и больше образованных.

Становятся все больше и больше людей, которые чем-то интересуются. Многие священники приходят учиться психологии. Приходят и монахи, и монахини учатся психологии всерьез без всякого, так сказать, какого-то блага для себя, учатся по полной, начиная с нуля, понимают, что это для них необходимо, иначе трудно в работе, а потом продолжают служить на приходе, но уже вооружаясь психологическими знаниями.

Кто-то становится психиатрами, врачами, таких мало случаев, но тоже есть, потому что психиатрией на самом деле священник тоже нужна, потому что на приходах много психически больных людей. Хран же ведь лечебница, в лечебницу приходит много психически больных, я об этом свидетельствую, и в обычный городской приход много больных, и священники должны знать. Но все это не сразу, Илья Ароныч, ну что делать, мы прошли на свободе 30 лет, но мало еще, это же образование накапливается в поколениях, так что я думаю, что потихонечку-потихонечку справится с этим церковь, и священники будут более грамотными, так же как и прихожане будут более грамотными.

[Говорящий 2]

Как человеку переживать это время, что с той, что с другой стороны, уехали многие, многие затаились, не могут говорить то, что можно, все мехраспри, поколения чаще всего против другого поколения, дети не понимают взрослых, взрослые не понимают еще более взрослых, на приходах склоки и тоже бесхождение.

[Говорящий 1]

Все это было, Илья Ароныч, все это было в 80-е, 70-е годы. Это не утешает. Нет, я знаю, что не утешает, я просто говорю, что это уже было, мы это проходили, в моей жизни уже это один раз уже было, когда я

прятался от родителей своей жены, в тайне от нее, я ездил в коляске и причащал своих детей, в тайне от нее.

Пошел вроде бы гулять с ребенком в коляске, а сам, значит, быстренько до Новодевичева причастить ребенка и обратно. Всяко бывало, в семье надо было молчать, в семье надо было вместе там на праздники есть со всеми, все не постное, как там, как подавалось и вообще там многие годы в моей семье и жена, и теща, и дочь моя молчали о том, кто я есть, что я церковный дворник, что я чтец в храме. Когда Маша пошла в школу, как отца записать?

Чтец. А, работник сцены. Меня записали как работника сцены.

Все это было, ну что, ничего нового.

[Говорящий 2]

Ну, вот внук приходит к бабушке и говорит, война, она говорит, хорошо. Он говорит, ужас. Она говорит, хорошо.

Он говорит, вот друзья вышли на улицу, их посадили. Она говорит, правильно посадили. Он говорит, а если я выйду, меня посадят?

Она говорит, правильно, что тебя посадят, ум разуму научат. Что делать-то?

[Говорящий 1]

Ничего, каждому жить по своему разуму. Тот, кто выходит на протест, протестовать, тот, кто убежден, что его внук должен в тюрьме сидеть, пусть будет убежден, пусть до конца весь этот свой жребий донесет, пусть дойдет до черты. Вот он считает, что надо всех арестовать, всех убить.

Ну, бери в руки тогда, иди воевать, дойди до этой кровавой черты, если уж ты так убежден. Мы ничего не можем сделать, мы не можем переубедить людей. Понимаете, вот это, к сожалению, со времен просвещения въевшееся, а потом в русской традиции в 19 веке, вот это въевшееся у нас представление, что мы можем изменить общество, что мы можем что-то сделать с людьми, мы обязаны что-то с людьми сотворить такое, это обязанность каждого гражданина служить, делать это в 19 веке, вот народовольцы были, вот эта вот идиотская идея о том, что мы должны изменить общество. Мы не можем изменить общество, мы не можем изменить людей, мы можем изменить только себя. И главная нива, на которой трудиться положено человеку, это его внутренний мир, так что иди и трудись, иди, ты убежден, иди.

Если ты хочешь распинать, иди распинай.

[Говорящий 2]

Когда мы пришли в церковь и пришли ко Христу, нам было понятно, как проповедовать Христа. Проповедовать Христа это проповедовать церковь, проповедовать церковную жизнь, вот как она есть, с ее таинствами, с молитвами, правилами, постами и так далее. А сейчас не очень понятно, потому что, как говорится, непонятно, к кому попадешь.

А тем самым разделяющим сейчас общество вопросом, вот ты отправишь, ну говоришь, наставишь человека сходить, исповедаться и причаститься. Он пойдет, а там батюшка других убеждений, и он убежит оттуда, и больше никогда в церковь не придет. Получается, что только к знакомым батюшкам отправлять, как вот знаете, к врачам по знакомству.

[Говорящий 1]

Да, так всегда. Так так и было, и в довоенное время тоже так же было. Кому рекомендуешь пойти, вот к этому, кому обратиться, вот к этому.

Иной раз приходилось звонить какому-то своему знакомому, скажет, придет тебе такая-то раба Божия, вот от моего имени, ты уж ее прими. Да это всегда так, это нормально. Мы по-человечески относимся к людям и направляем им туда.

Это так называемое сарафанное радио. Какому врачу пойти порекомендуешь, вот там зубы полетить или там имплантанты вставить. Какому врачу?

Вот такому врачу. Вот тебе телефон, скажешь, так нет. Вот, но это нормальные человеческие отношения.

Всегда так. Вы хотите представить себе дело так, что вот все батюшки должны быть равны, и в кого попадешь, вот просто брось палку, попал бы ты в батюшку, иди к нему, и он будет такой же, как и десятый, сотый. Да никогда это так не будет.

Не будут священники одинаковые, как и люди, не будут одинаковые.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, самый важный вопрос. А Бог есть?

[Говорящий 1]

Конечно, конечно, Илья Ромич, есть. И главное свидетельство этому я. Я свидетельствую, что Бог есть.

Но помимо меня, есть еще миллион людей, которые тоже свидетельствуют об этом же самом. Но теперь, как сказать, размышления интеллектуальные. Мир слишком красив, слишком строен, слишком премудр, и в нем очень много любви.

Это все от Бога. Потому что Бог любит человека, и ради него он в этот мир весь украсил.

[Говорящий 2]

Но это логика какая-то.

[Говорящий 1]

Да, и логика, и чувство. А чувство и мое свидетельство я в первую очередь искал, потому что любовь побеждает. Если любовь есть, значит есть Бог, и наоборот.

Если Бог есть, значит есть любовь. Вот я и сам пришел к Богу так, через любовь. Для меня очень важно было найти опору любви той, которую я переживал по отношению к жене и дочери.

Для меня это было главным заданием тех лет, ну, лучше сказать, того года, когда у меня родилась дочь. Найти эту опору. И вдруг, в какой-то момент я вдруг вспомнил, Бога есть любовь.

Все, вдруг встал на свои места. Я сказал, ага, теперь я понял. И все.

С тех пор убеждаю.

[Говорящий 2]

Спасибо огромное, отец Андрей. Я совсем забыл сказать нашим зрителям, что канал наш нуждается в помощи, иначе невозможно будет его создавать. Я забыл вас попросить ставить лайки, и жать на колокольчик, и подписываться на наш канал.

Я благодарю отца Андрея, мне было интересно. Надеюсь, зрителям нашим тоже будет интересно.

[Говорящий 1]

Спасибо. Спасибо, Илья Аронич, спасибо за приглашение. Я очень рад с вами поделиться чувствами и мыслями.

Спасибо всем нашим слушателям. Надеюсь, да, надеюсь, будет интересно.
И до следующей встречи.

[Говорящий 2]

Это был канал Ночной Ароныч. Всего доброго.